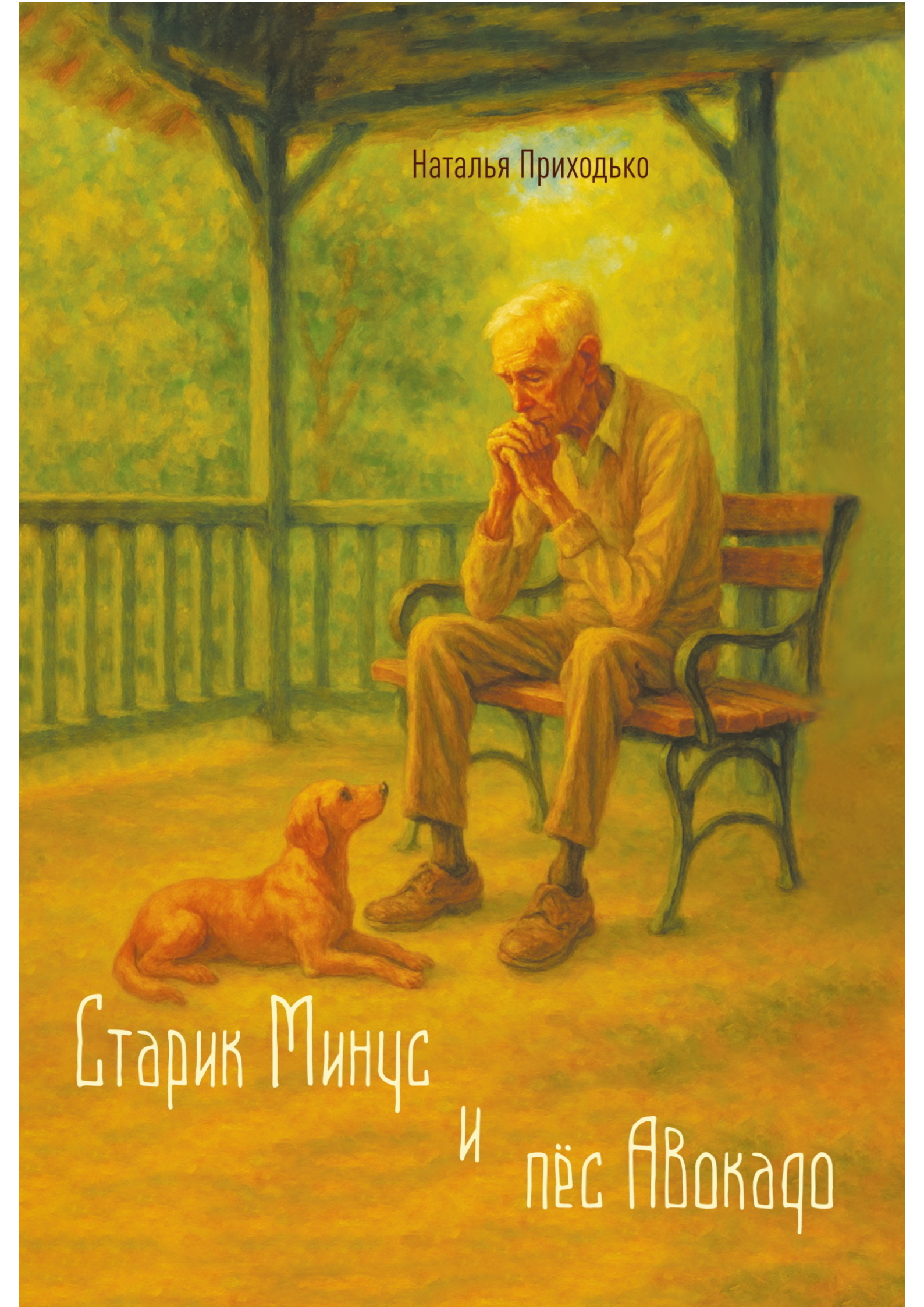

Наталья Приходько

Старик Минус
и пёс Авокадо

Наталья Приходько

Старик Минус и пёс Авокадо

Издательство «Четыре»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Приходько Н. Е.

Старик Минус и пёс Авокадо / Н. Е. Приходько — Издательство
«Четыре», 2025

ISBN 978-5-907949-88-1

«Старик Минус и пёс Авокадо» – это сборник рассказов о буднях шахтёрского посёлка и деревенской жизни. Рассказ, давший название книге, повествует о человеке, который всю свою долгую жизнь посвятил защите Родины и служению народу. Это выходец из старинного казачьего рода, подполковник в отставке. На склоне лет он вспоминает этапы своего жизненного пути и выслушивает истории, которыми делятся с ним соседи по дому.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907949-88-1

© Приходько Н. Е., 2025
© Издательство «Четыре», 2025

Содержание

Старик Минус и пёс Авокадо	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наталья Приходько Старик Минус и пёс Авокадо. Сборник рассказов

Книга содержит сцены табакокурения.

издательство

ЧЕТЫРЕ

© Н. Приходько, текст, 2025

© Издательство «Четыре», 2025

Старик Минус и пёс Авокадо

1

Солнце начало кланяться терриконам и скоро должно было спрятаться за ними, когда Павел Матвеевич Минус вошёл во двор двухэтажного дома с небольшой вязанкой тонких прутьев, нарезанных в ближайшей к посёлку лесопосадке. Впереди ковыляла, подволакивая заднюю лапу, небольшая собачонка по кличке Авокадо с кудрявой жёлтой шерстью, словно присыпанной ванильным порошком.

Павел Матвеевич огляделся. На лавочках возле всех трёх подъездов сидели или старушки, обсуждая и осуждая всё, на чём останавливалась мысль или взгляд, или подростки, которые смотрели что-то на своих гаджетах и смеялись. Чтобы не мешать первым и не досаждать вторым, он, почтительно раскланявшись со всеми, направился в пустующую деревянную беседку под старым ветвистым каштаном.

В молодости Минус был высокого роста, но груз прожитых лет прижал косточку к косточке и устало опустил некогда могучие плечи бывшего военного. Несмотря на преклонный возраст, Минус не позволял себе расслабляться, придирчиво следил за своим внешним видом: каждое утро тщательно брил светлое, как будто подсвеченное изнутри лицо без старческих пятен, вовремя делал стрижку на седые густые волосы. Взгляд у него был ясный, только некогда синие глаза вылиняли в старости до серого цвета. Одет он был в светлую рубашу с короткими рукавами и светлые же полотняные брюки. У него был вид человека, который всегда знал своё место в жизни и цену себе.

Старик Минус сел на скамейку, разложил на столе заготовленные прутьи, взял стоявшую рядом метлу и погладил пса по голове. Он находился в том почтенном возрасте, когда словоохотливость не является недостатком, так как необременительна для окружающих; собеседниками могли выступать самые неожиданные персонажи. Это в равной степени мог быть сосед по дому, телевизор или, как сейчас, дворовый пёс.

Авокадо был псом беспородным, но, прибившись к Минусу щенком, был вовремя обучен всем командам, знал много слов и разбирался в человеческой речи. Был вежливым и услужливым: если надо, по команде мог найти Танечкин бантик или ведёрко в песочнице, потерявшуюся кепку Ванечки, а то и самого Ванечку, спрятавшегося в кустах, и тем самым заработать себе похвалу колбасную и словесную, с почёсыванием холки. А ещё он был хитроватым. Вот с утра ухватил метлу да и истрепал её, а когда Минус застал его за этим занятием, пёс, чтобы не быть наказанным, сделал вид, что заболел: смотрел жалостливо, поскуливал и из последних сил волочил заднюю лапу.

– Ну вот, а теперь, дружище Авокадо, отремонтируем метлу, – сказал старик псу.

Павел Матвеевич начал чинить метлу и каждое своё движение объяснял собаке:

– Видишь, какой вид болезненный у метлы после поединка с тобой? Что, братец, стыдно? Орудие труда надо содержать в порядке, – говорил Минус назидательно. – Мы ей прутьиков сейчас добавим, чтоб в здоровый вид привести, чтобы голос её зазвучал весело: вжих-ших, вжих-ших. Во наука!

Авокадо, уловив спокойствие в голосе хозяина, сразу выздоровел, улёгся на скамейку рядом с Минусом и, положив голову на лапы, облегчённо вздохнул, приготовившись слушать.

Старик, глядя на него, рассмеялся:

– Ты мне сейчас, Авокадо, деда моего напомнил, царствие ему небесное. Тот тоже при необходимости и хромым сказывался, и косым.

Павел Матвеевич принадлежал к казачьему роду, жившему с незапамятных времён в станице под Оренбургом. Его дед Григорий Павлович Минус был жалованным казаком, то есть за свою службу получал жалованье. Когда началась Первая мировая война, он в составе Оренбургского войска был отправлен на фронт и воевал до 1918 года. Вернулся раненным в ногу, хромота и ходил с палкой, что позволило ему ещё больше имитировать хромоту и притворяться немощным как перед красными революционерами, так и перед белыми мятежниками.

Смена власти и упразднение казачества сказались на достатке семьи Минусов. Однако природная смекалка главы семейства, который имел деньги на чёрный день, но всю жизнь прибивался, спасла его от раскулачивания и расправы. Он всегда твердил знакомым: «Хлеб да вода – наша еда», а во время Гражданской войны жаловался, что в доме «кислянка без каракальки» (это означает – щавель без кренделя).

Григорий Павлович всю свою жизнь боялся завистников и, оберегая семью, всегда прибегал к хитрости. Например, домашние его в драной обуви никогда не ходили, но в новой обуви жители деревни их тоже никогда не видели. Глава семейства принарядился внешне состаривать обувь: по купленным себе и сыну сапогам или ботинкам жены проходил наждаком, а потом начищал их ваксой или гуталином. Если любопытные интересовались новизной обуви, то слышали в ответ заранее сочинённую историю. «Не-е-е, это я старьё вчера с чердака достал и весь вечер тачал, а сегодня наваксил. А вот теперь скажите мне, что они не новые!» – радостно рассказывал побасёнку Григорий Павлович. Домочадцам же своим строго-настрого наказывал тайну хранить и перед людьми не хвастаться.

Такая политика помогла семье выжить в страшный голод 1921–1922 годов. Григорий Павлович и два его близких товарища с периодичностью в два-три дня на ранней зорьке шли за несколько километров в Бузулукский бор, где ставили силки на тетерева и глухаря. Пойманную дичь там же варили, делили поровну и, возвратившись ночью, тайно кормили свои семьи. Греха людоедства избежали; чужих, правда, не спасли, но своих всех сберегли. Страшное время было: каждый сам за себя.

К концу двадцатых годов жизнь наладилась: сын Матвей женился, родился внук Павел, но в 1941 году началась война с Германией, и мужчины станицы ушли на фронт.

– Как отец на фронт ушёл, я сразу отбил от рук, – признался шёпотом Павел Матвеевич своему псу. – Озорничал тогда много, во всех проказах заводилой был и горяч был: если что не по мне, сразу в драку лез. Укороту на меня никакого не было: от деда хромого убегал, от затрещин материнских уворачивался. Так бабка моя взяла на себя процесс воспитания: брала в руки вот такой прут да охаживала по заднице так, что на ней можно было чайник кипятить. А уж как до учёбы ленив был! Бывало, одни тетради на другие в портфеле менял, на том и вся наука. А потом сразу в один день изменился.

Минус замолчал, вспоминая былое. Мысль полетела быстро, а потом замерла, словно стрекоза над цветком. И вспомнился ему самый главный день его преображения.

2

В начале войны в Оренбургскую область были эвакуированы заводы и фабрики с Украины и из Белоруссии вместе с рабочими, их семьями и другими гражданскими лицами. Тех, кто не был занят на производстве, направили в колхозы; расселили их по пустующим после голодоморов домам или определили на постой к местным жителям.

Через несколько дней в класс, где учился Павел, учительница Степанида Петровна привела девочку: «Ребята, познакомьтесь с новой ученицей. Зовут её Серафима, – и, ступившись, попросила: – Зовите её Фимой». Она ещё что-то там говорила, только Павел уже не слышал. Он, когда Серафиму увидел, дышать забыл и сердце у него замерло, а когда вдох сделал, закашлялся, да так сильно, что слёзы из глаз, как вода из прорвавшейся плотины, полились.

И сквозь слёзы увидел: стоит тоненькая, как былинка, девчонка, светлые волосы в косу заплетены. Белобрысыми станичников не удивишь, но у этой волосы светлые, а брови и ресницы – чёрные. Взгляд тёплый, ласковый, а в глазах будто поле васильковое цветёт. И с той минуты Павел будто заново родился. Первое, что он сделал, – это на следующий день сел за одну парту с Серафимой. А она вроде бы и не удивилась, только улыбнулась своей ласковой улыбкой.

Фима умненькая была, все предметы ей легко давались, и Павел за Фимой тянуться в учёбе стал, чтобы ровней ей во всём быть. Поначалу трудно было уроки учить, особенно задачки по математике решать, а потом понравилось, и в следующем классе он уже по всем предметам успевал. Норов его необузданный возле Серафимы выпрямляться начал. Смелость осталась, а дурь подростковая из головы ушла. Но подшучивать над ним за влюблённость всё же остерегались: вдруг зашибёт.

В школе Павел рядом с Серафимой всё время был, а после уроков все ученики шли на сельхозработы. На ферме за скотиной и лошадьми ухаживали, навоз выгребали; весной поля на быках пахали. Работы в колхозе много, а работники – казачки да дети.

Нахлынувшие воспоминания и чувства требовали облечься в слова, и Минус заговорил:

– Эх, Авокадо! Тяжело всем было. Бывало, так наработаемся, что к концу дня всё тело ноет, еле-еле домой плетёмся. Дома жмыха поедим, кисляком запьём – и на вечерние посиделки. Мой дед, как тепло наступало, выносил на улицу патефон и граммофонные пластинки: Шульженко, Утёсова, «Рио-Риту», чтоб мы танцы устраивали. Хоть какое-то послабление от тягот жизни. Ну а уж в танце под шипение патефона обо всём забывалось. Держу Фиму за руки, её голова у меня под подбородком, и ямкой, что внизу шеи, чувствую её тёплое дыхание и слышу стук своего сердца, которое не вмещается в груди.

Иногда вся молодёжь собиралась за селом, чтоб у костра посидеть, песни попеть. Уж не знаю, где Фима песнопению обучалась, только пела она лучше всех. Даже во время полевых работ казачки просили Фиму песню спеть. Когда травы косили, голосок Фимы через весь луг аж в дальний перелесок летел; иногда ей мама её, Варвара, вторила, иногда женщины подпевали, но чаще косили и слушали песни, которые Фима пела, – старинные-былинные, о любви и верности.

Квартировали тётя Варвара и Фима у старушки Клавдии Ивановны (сын её на фронте был, а невестка и внуки отдельным домом жили). У Клавдии Ивановны часто соседки собирались чайку попить, о всякой всячине поболтать, а я прибегал, чтобы Фиму увидеть да на радостях чем-то женщинам услужить: воды нанести, дров наколоть. Испив самовар чаю с малиновым или смородиновым листом (другого-то не было), старушки просили Фиму: «Спой, деточка, богородичны¹». И Фима тихонько так начинала: «Богородице Дево, радуйся...» или другую – «Богородице, Матерь света...». Потом старухи крестились-молились: «Слава Господу за всё...» – и сразу как-то всё правильно становилось и понятно.

А ещё могла Фима в горе утешить. Чуть ли не каждый месяц похоронки приходили на погибших мужей и сыновей. Чтобы горе разделить с ближним, одного сострадания мало, надо ещё сердце чистое иметь и дух праведный. Некоторые приходили утешить, но, разбредив рану душевную, в мучителей и досадителей превращались. А у Серафимы особый сердечный дар был. Ну вот как... Запомнилось мне, как матушка моя рябиновые бусы мастерила. Брала грозди рябиновые, на отдельные бусинки разделяла и собранный ряд на нитку нанизывала. Вот так и Серафима слово надежды к слову веры подбирала. Да-а!

Мы, парни, что в начале войны почти детьми были, за три года вытянулись, повзрослели; спины и руки от работы окрепли, и стали мы в соблазн девицам-перестаркам. Им бы замуж и детей рожать, а женихов по возрасту не было, все на фронте, вот и впали некоторые в бесстыдство. Смеялись перед нами зазывно, шутили откровенно. Мать за меня очень волновалась,

¹ Богородичны (церк.) – песнопения в честь Богородицы, входящие в состав всех ежедневных служб.

чтобы в блуд меня не потянуло и не был наказан ранним греховным отцовством. «Видишь, Павел, с девчатами какое расслабление случилось. Строго их не суди, но будь осторожным, сыночек, со словами. Словом необдуманным кому-то надежду подашь – и свою, и чужую жизнь сломаешь» – так объясняла мать свои страхи за мою судьбу. А мне и осторожничать-то не надо было: я ведь за Фимой каждую свободную минуту как привязанный ходил, других не замечая.

Однажды Фима повернулась и говорит:

– Ты, Павлуша, не позади меня, а рядышком иди.

– Да не могу я. Вдруг люди что подумают да осудят.

– А у самого-то какие мысли?

– Ей-богу, чистые, Фима. В них даже крапинки нет непочтения к тебе. Я дождусь, когда восемнадцать исполнится, и посватаюсь к тебе.

В 1944 году мы окончили школу, но остались в колхозе. Я трактористом работал, а Фима на ферме за телятами смотрела. Планировали после войны в институт поступать. Фима в педагогический мечтала поступить, а я – в сельскохозяйственный. Только планы разрушились.

В марте сорок пятого Фима заболела. Девчата наши деревенские ведь какие: кость крепкая, тело сильное, а Серафима была как из белого облака рождённая. Оборвалось у неё что-то внутри от тяжёлой работы. Старенький врач посмотрел, головой покачал, мудрёный диагноз поставил и, извиняясь, сказал:

– Простите, но медицина тут бессильна.

– Как бессильна?! А кто в силе-то, кто? – в горе и надежде допытывался я, срываясь на крик.

Доктор с грустью глянул на меня, посмотрел вверх и скосил глаза на красный угол, где когда-то, в другие времена, в пору его молодости, стояли святые иконы, помогавшие ему с Божьей помощью служить людям.

Фима быстро угасала, а я рядом с ней неотлучно был, только в последний день слабинку дал, домой убежал.

Мать с увещеваниями подошла:

– Вернись, сынок, с Серафимушкой простиись. Все уж были, прощения у неё по-христиански попросили. Сходи, сынок. Не надо от горя бежать, надо смириться и пережить его.

Пришёл к Серафиме, на колени перед койкой упал, рученьки её целую:

– Не улетай от меня, Серафима!

А она мне тихо, из последних жизненных сил, в ответ:

– Ты прости меня, Павлуша, что обещания своего не сдержу, женой тебе не стану. Когда к Господу допущена буду, о тебе просить стану, чтобы уберёг тебя.

А дальше, после Серафиминой смерти, всё было как в тумане. Сильно меня горе накрыло. Я тогда перед иконами то в ярости кричал и кулаком грозил, то смиренно на коленях стоял и молил, а потом смотрю на икону – а там, у подножия престола Божьего, ангелы шестикрылые, и один с лицом Серафимы. От горя, видать, мне так привиделось. Не знаю... У меня ведь, тогдашнего комсомольца, веры было ровно на бабкин подзатыльник.

3

Был ранний вечер. Минус, дожидаясь возвращения внука с работы, сидел в беседке и играл в мяч с Авокадо. Старик бросал теннисный мяч, обшитый зелёным войлоком, а пёс приносил его назад хозяину и вкладывал в руку, ожидая следующего броска.

– Здравствуйте, Павел Матвеевич! – издали поздоровалась юная соседка Марина. Она шла к своей машине, но свернула к беседке, где сидел Минус, и пошла медленно, широким шагом по дорожке между клумбами. Авокадо тут же подбежал к ней и начал змейкой виться вокруг её ног. Это была их излюбленная игра. Так и дошли до Минуса.

– Добрый вечер, Павел Матвеевич.

– Здравствуй, Мариночка.

– Привет, Авокадо. Дай лапу. Молодец! – похвалила девушка пса, когда он протянул лапу, и погладила его по голове. – Хороший, хороший пёсик. Павел Матвеевич, что-то сегодня только вы с Авокадо в беседе.

– У мужчин сегодня футбол. Шахматные партии отложены на завтра, – пояснил Минус.

– Павел Матвеевич, я вот спросить у вас всё хотела. Вы в войне с Германией участвовали?

– Нет, Марина, по возрасту не успел. А вот с Японией повоевал, – ответил Минус. – А у тебя, наверное, дедушка – фронтовик?

– Нет, мой дедушка во время войны был ребёнком, и жили они в тылу, поэтому в памяти остались голод и слёзы его мамы и бабушки. А прадедушка ушёл на фронт, попал в окружение и был отправлен в лагерь Освенцим, чудом остался жив и после окончания войны выступал как свидетель на Нюрнбергском процессе. По его воспоминаниям написана книга. Я, когда читала её, всё время плакала. И очень страшно было, когда представляла состояние безысходности, боль, страдание и мучительную смерть в газовой камере многих тысяч людей.

– Марина, мне бы очень хотелось прочесть эту книгу. Не откажи в просьбе, – попросил Минус.

– Завтра обязательно её вам занесу. Павел Матвеевич, а сколько вам лет было и как вы на японскую войну попали?

– Призвали меня в армию, когда восемнадцать исполнилось, в конце апреля 1945 года, из Оренбургской (тогда Чкаловской) области, а вскоре пришло известие, что Германия капитулировала. Расстроился сильно, что в войне без меня победили. Меня и ещё нескольких старичников, потомственных казаков, отправили в Забайкальский округ и определили в конно-механизированную дивизию, так как мы с детства были прекрасными наездниками, владели джигитовкой, вольтижировкой и умели приручить любую лошадь.

В ночь на девятое августа сорок пятого года по приказу мы перешли границу Монголии. Нам пришлось двигаться через безводную пустыню Гоби. Тяжеловато было: песок в рот набивался, приходилось рот часто полоскать, а ещё ведь и пить надо. Фляги воды, что на день выдавалась, не хватало.

Первый колодец, к которому мы подошли, был отравлен, и те солдаты, что успели испить воды до проверки, слегли с отравлением. В дальнейшем нас, конницу, высылали вперёд для поиска и охраны колодцев. А наше умение джигитовать – стрелять на скаку и стоя на коне – помогало уничтожать диверсантов-камикадзе, обвязанных гранатами, раньше, чем они успевали приблизиться к нашим танкам.

Двигались стремительно, по шестьдесят километров в сутки. Действуя тремя фронтами, войну выиграли за двадцать три дня. Потом уже, во время судебного процесса в Хабаровске, стало известно, что у японцев были готовы к применению сотни килограммов смертельно опасных бактерий, которые японское командование планировало распылить над территориями Китая, России и Соединённых Штатов.

Ну а после японской войны служил срочную службу в Хабаровске, по окончании которой был направлен на учёбу в военное училище. Спасибо, Марина, что дала мне возможность поделиться воспоминаниями.

– Это вам спасибо, Павел Матвеевич, и за воспоминания, и за победу! До свидания! – Маринка поцеловала старика в щёку, погладила Авокадо, села в машину и, помахав рукой, выехала со двора.

Пока длилось Маринкино прощание-отъезжание, Авокадо суетился между ней и Минусом, потом пробежался за машиной и вернулся к хозяину, недовольно фыркая.

– Не обижайся, Авокадо. – Старик погладил пса, успокаивая его. – Маринка от щедрого сердца нас вниманием одарила, улыбкой согрела и по своим делам поехала. Храни её, Господи!

– Добрый вечер, Павел Матвеевич! – донеслось до Минуса приветствие.

Оглянувшись, он увидел, как к скамейке приближается Алла Павловна, что проживала в первом подъезде. Авокадо подскочил, приветствуя гостью вилянием хвоста и радостным поскуливанием. Она погладила пса по голове и угостила его куриными косточками.

– Вечер добрый. – Павел Матвеевич тут же встал и слегка поклонился.

– Вот решила составить вам компанию, если вы не возражаете, конечно.

– Присаживайтесь, Алла Павловна, сочту за честь.

– Я кухонные дела на сегодня завершила, глянула – а мои все кто с книгой, кто перед телевизором. А вы, я издали услышала, вроде как с Авокадо разговариваете.

– Признаюсь вам, Алла Павловна, я частенько с Авокадо беседую. Он всё понимает и никогда со мной не спорит. Для меня, бывшего военного, такой подчинённый в самый раз.

– А в каком чине вы в отставку ушли?

– В чине подполковника. Я вначале из армии ушёл преподавать в военном училище, а потом уж совсем на пенсию. Посовещались с женой и решили, что последние годы жизни проведём на родине Маши, на Украине. Вот и переехали с женой сюда, в Донбасс, чтобы быть рядом с младшим сыном Виктором. Он у нас горный инженер.

– Павел Матвеевич, давно хочу вам сказать, что напрасно вы вменили себе в обязанность двор обихаживать. Не по возрасту вам с метлой упражняться и не по чину. И куда только внук ваш смотрит? Уж простите за прямоту.

– Не извиняйтесь, я же понимаю, что вы заговорили об уборке из дружеского участия. Сейчас объясню. После смерти жены моей два года назад Матвей попросил меня пожить у него: «Дедушка, поживи у меня, помоги в холостяцкой жизни. Защити от посягательств женского населения на мою свободу». Я с радостью согласился: тягостно мне было после Машенькиной смерти и одиноко, вот и переехал. А всей-то помощи оказалось утром кофе сварить, потому как есть у нас помощница по хозяйству Катерина Тихоновна, приходящая два раза в неделю. Вот она-то и уборку делает, и готовкой занимается. Я, знаете ли, рано встаю, а до утренней зарядки не любитель. Стал я замечать, что большую часть дня провожу в кресле с книгой и газетой или на диване перед телевизором, что не прибавляет здоровья. Жизнь я провёл в служении, так что и сейчас не хочу, мыльным пузырьём надуваясь, в самомнение впадать. Стыдно мне почивать на лаврах, дожидаясь смерти. Вот я и взялся за метлу для поддержания физической формы и жизненного тонуса. Внук поначалу сердился: «Дед, тебе что, больше всех надо порядок во дворе поддерживать?» А когда я объяснил ему свои мотивы, смирился. А уж вам скажу. Бабка моя учила: «Попал на край, а сотвори рай». Ну, это чтоб независимо от того, в достатке ты живёшь или в бедности, обязан сотворить вокруг себя и близких рай земной. Чистота созидает, а грязь и мусор ведут к убыли и разрушению. Мы с моей покойной женой много по военным городкам помотались. В каких только условиях не оказывались! И первое, что моя Машенька делала, – это наводила чистоту и красоту. Вы вот за цветочками под окном тоже ухаживаете не просто так, а по зову души. Из желания творить.

– Устыдили вы меня, Павел Матвеевич! – Алла Павловна пожалела, что начала этот разговор.

– На такое не дерзнул бы, я это в простоте душевной говорю. Любезная Алла Павловна, позвольте и мне встречный вопрос задать. Не могли бы вы одну мою догадку подтвердить или опровергнуть? Уж как будет вам угодно.

– Спрашивайте, Павел Матвеевич. Отвечу.

– Вот только не сердитесь, простите старика, если что не так.

– Да будет вам! Спрашивайте.

– Вот запомнилось мне, что у вашего покойного мужа голубые глаза были. И у вас глаза голубые. А у голубоглазых родителей кареглазые дети не рождаются. Хотя нет, не отвечайте. Ещё раз простите старика.

– Правда ваша, Павел Матвеевич. Навязывать вам свои откровения я бы не рискнула, но уж если на то ласка ваша слушать, то расскажу.

Алла Павловна помолчала, собираясь с мыслями, и поведала Минусу историю своей жизни.

4

Пётр женился на Алле по большой любви, но наперекор родителям. Бедная сирота, жившая в семье дяди из милости, не была желанной невесткой. Жили одним домом, и приходилось Алле сносить придирки свекрови: некрасива, нерасторопна и ещё многие «не». А не родив за три года замужества ребёнка, начала слышать от свекрови самый главный попрек – в бесплодии. Пётр, жалея жену, завербовался на шахту, и в конце пятидесятих годов они переехали в Донбасс. Устроились работать на шахту, потом поступили учиться заочно: Алла – на бухгалтер, а Пётр – в Горный институт.

Поселились они в необычном месте – на терриконе, который в народе прозвали «Поднебесье». Когда-то породу террикона, заброшенного за ненадобность, дожди и снега спрессовали, а степные ветры Донбасса покрыли её землёй и семенами, которые дали жизнь неприхотливым растениям. Удивительное место, похожее издали на огромный муравейник. Даже старожилы не знали, когда именно был обжит людьми террикон: мамка тут родилась при Николашке, дед тут родился при Алексахке.

От подножия террикона вверх к ярусам-улицам вели ступеньки. На каждом ярусе уютными террасами располагались отдельные участки: домик, летняя кухня, сарайчик, вишня и яблонька, несколько грядок с луком и петрушкой, палисадник с маками и чернобридцами².

Алла и Пётр снимали летнюю кухню у хозяев на самой верхней террасе, откуда весь Донбасс как на ладони, а ночью, если стоять во дворе, кажется, будто среди звёзд паришь. Вот будто бы только они двое во вселенной. Зимой печка, натопленная угольком, жаром дышит так, что ветер, бьющийся в окно, просится в дом погреться. Стоит открыть дверь, как он белым облаком врывается в неё раньше человека, и надо быстренько закрыть её, чтобы не вымораживать жилище. Хорошо с любимым, только ребёночка всё нет и нет.

Вскоре после обследования в больнице Алла услышала от врача о своём полном бесплодии, не дававшем никакой надежды стать матерью. Пока Алла горевала и пролиwała слёзы, Пётр, втайне от жены, узнал всё об усыновлении: какие документы, справки и характеристики необходимы. Потом с женой всё обсудил. А для Аллы словно в темноту лучик света проник. Она тогда так и сказала: «Муж мой, ты мне свет подарил!»

Вскоре поехали они в детский дом. Показали им, как просили, младенцев-мальчиков. Уже готовы были выбор свой сделать, но тут из другого конца комнаты раздался жалобный писк-плач, и Пётр с Аллой, взявшись за руки, пошли на этот призыв. Оказалось, хорошенькая девочка. Вот и ладно, будет доченька! Света. Светлана. Они хотели сразу девочку забрать, но им не позволили. Предложили приходиться проводить малышку, пока готовятся документы на удочерение. Через неделю приехали они с девочкой погулять, а заведующая пригласила их к себе в кабинет и говорит: вижу, мол, что вы люди положительные, а потому можете взять ребёнка прямо сегодня, вот купите всё по этому списку и забирайте.

– Так документы... – растерялись Пётр и Алла.

– Я подготовила документы на удочерение на основании тех справок, которые у меня имеются, а последнюю донесёте в течение недели. Или вы передумали? Тогда мы отдадим девочку другой семье, – строго сказала заведующая.

² Чернобридцы – бархатцы.

Это заявление, прозвучавшее как угроза, заставило пару действовать. Пётр тут же сбежал в магазин и купил всё необходимое. Алла хотела сама обретенную доченьку переодеть, но заведующая с воспитательницей не позволили: «Мы сейчас сами всё сделаем, а вы в коридоре подождите».

Когда дома распеленали дитя, стали понятны и стремительные действия заведующей, связанные с удочерением, и плач ребёнка: всё тельце Светы было покрыто чирьями, температура высокая. Пётр жену с дочкой отвёз в больницу, а сам помчался на шахту в ночную смену.

Пока врачи боролись за жизнь девочки, Алла сидела в коридоре и плакала.

В это время санитарка с ведром и шваброй по коридору начала сновать, недовольство демонстрировать:

– Понарожают, а ладу ребёночку дать не могут. Бережёное дитя Бог бережёт, а ты по своему недосмотру ребёнка загубила.

От горя и слёз Алла ничего не смогла сказать в своё оправдание.

– Пошли. – Поняв, что Алла сильно горюет, санитарка сменила праведный гнев на милость и завела плачущую женщину в пустую палату для матери и ребёнка. – Занимай койку. Ребёнка из операционной сюда принесут. Крещёная?

Алла утвердительно кивнула.

– Молитвы знаешь? «Отче наш», ко Святой Троице? – Увидев отрицательное мотание головой, констатировала: – Плохо. Значит, молись, как сердце подсказывает. Проси Богородицу, Царицу нашу Небесную, чтоб упросила Сына своего, Господа нашего Иисуса Христа оставить тебе девочку. Он-то всё видит. Всё... Молись, а я пошла.

– Я не знаю, как просить. Как просить того, с кем незнакома? – жалобно спросила Алла.

– Эх, милая! Ты ещё не родилась, а Господь уже тебя знал и имя твоё на небесах начертал. Ум свой комсомольский отринь, и душа православная в тебе сама заговорит, ты только рот открывать будешь. – И вышла из палаты, шаркая ногами, бубня тихонько: «Прости, Многомилостивый, нас, горемычных, веру отринувших», а Алла осталась в палате в слезах и горе. Как молиться? Как просить?

Алла Павловна прервала рассказ, так как из открытого окна её позвала дочь.
– Извините, Павел Матвеевич, своими воспоминаниями отняла у вас столько времени.
Мне уж идти пора. До свидания.

– Не извиняйтесь. Я буду ждать продолжения вашей истории. Счастливо почивайте, – сказал Минус.

В это время он увидел машину внука, проехавшую мимо них, и пошёл к гаражам. Закрыли гараж, велели Авокадо стеречь, и пёс занял пост около своей будки. Дома неспешно поужинали, переговариваясь о том о сём, а во время чаепития Матвей начал подтрунивать над дедом:

– Дед, да ты ещё о-го-го! Видел я, как ты золотой монетой сиял, когда перед соседкой шпорами бряцал и медалями звенел!

– Да ладно тебе, Матвей, над дедом подшучивать! Это я уважение проявлял. Понимаешь ли, внучок, Алла Павловна относится к тем женщинам, с которыми мужчины всегда церемонятся. Вот и бабушка твоя такой была. Да-а!

Этим утвердительным протяжным «да-а» Павел Матвеевич частенько заканчивал предложение, чтобы подчеркнуть важность озвученной мысли.

– Дед, бабушка говорила, что у вас какое-то невероятное знакомство было, но наотрез отказывалась рассказывать. Только сказала, что ты был ранен и она тебя лечила. Ещё говорила, что почти неделю не могла рассмотреть твоего лица и это её очень заинтриговало. Таинственность придала тебе шарма, а мужество, с которым ты переносил ранение, тронуло её девичье сердце.

– Что, так и сказала? – спросил дед с недоверием в голосе.

– Ага. Расскажи!

– Не знаю, стоит ли.

– Давай, дед, колись. Делись опытом с внуком, чтоб я знал, как нужно покорять сердца таких женщин, как наша бабушка и Алла Павловна! Итак... Ты попал в медсанчасть с ранением. Куда ты был ранен?

– В задницу, – тихо сказал Минус, будто кто-то мог подслушать.

– Куда-куда? – Матвей от неожиданности рассмеялся.

– Куда слышал, – буркнул Минус. – В задницу. И мне, между прочим, тогда было вовсе не до смеха. Это было мало того что больно, так ещё и унижительно.

– Ну, извини. Рассказывай, – попросил Матвей, всё ещё давясь от смеха.

– Это случилось, когда я после военного училища вернулся в свою часть под Хабаровском. Буквально через пару дней. Лейтенантские звёздочки поблёскивают, сапоги новенькие хромовые поскрипывают. Решил я на турнике перед солдатами покрасоваться: смотрите, мол, каков ваш командир. Один оборот, другой... и вдруг руки соскальзывают, и я шмякаюсь задницей на невесть откуда взявшийся гвоздь. Гвоздь небольшой, но ржавый. В общем, оскандалился перед подчинёнными, вместо восхищения и рукоплесканий вставал на ноги под гомерический смех солдат. Сразу в медсанчасть идти постеснялся, пошёл через несколько дней, когда образовался нарыв и поднялась высокая температура. А там врач – бабушка ваша – краса ненаглядная. Ну как такой девушке причинное место показывать? Я стушевался и застеснялся, смотрел в пол, мычал и блеял. Маша же глянула строго и скомандовала: «Немедленно снимайте штаны и ложитесь на кушетку для осмотра ягодиц, а иначе я позвоню командиру части». Угроза подействовала, и я...

– Стриптиз для незамужней барышни! Класс! – беззлобно вставил Матвей.

– Про стриптиз я тогда ничего не знал. Когда Маша про ягодицы сказала, я вообще не на то место подумал. От стыдобы такой был красный как рак. Потом всё быстро завертелось. Ягодицу, будь она неладна, разрежали, обработали, на койку меня уложили. И лежал я неделю кверху этой самой ягодицей, терпя перевязки и уколы. Слава богу, у меня хватило ума понять, что я стану объектом для беспощадных шуток, и, предвосхитив это, сам подшучивал над собой, не жалея своего самолюбия. Знаешь, теперь я даже рад такому ранению: оно ведь стало целебной прививкой от гордыни и самолюбования. Это показало мне, что можно оказаться в ситуа-

ции, в которой тебя увидят не таким, каким ты себя мнишь, а таким, какой ты есть на самом деле. Да-а! Но тогда из-за комичности ситуации я не имел даже малой надежды на то, что покорию сердце неприступной докторши Марии Ивановны. Вот и вся интрига с шармом!

– Ну как, покорил? – улыбаясь, спросил внук.

– Она вашей бабушкой стала, – тоже с улыбкой напомнил Павел Матвеевич. – Ладно, давай спать укладываться.

5

День сменился новым днём. Спозаранку Минус, Богу помолясь, прошёлся по двору, «вжихая» и «шихая» метлой, изображая дворника. Потом Павел Матвеевич поднялся в квартиру, кофейку попил с внуком и отправил его на работу. Чтобы не мешать приходящей помощнице Катерине Тихоновне с уборкой, вышел посидеть в беседке, а Авокадо устроился в ногах. Сидели и смотрели, как машины одна за другой покидают гаражи и автостоянку, как женщины торопливым шагом направляются на остановку, а следом молодёжь, урвавшая для сна драгоценные минуты, теперь со всех ног мчится по своим делам. Скоро две-три домохозяйки вынесут выстиранное бельё; они будут вешать его на верёвки и переговариваться: делиться новостями, если таковые имеются, или обсуждать сериал. Всё как обычно.

Из первого подъезда выбежал Андрей, парнишка лет девятнадцати, и, нарушая привычный ход событий, уселся в беседке рядом с Минусом со словами:

– Всем можно, а мне нельзя! Подумаешь, нельзя! Так бы и сказала, что денег жалко! – и, повернувшись к Павлу Матвеевичу, попросил: – Дед, дай закурить.

– Не курю, – последовал ответ.

– И мне не советуете? – спросил паренёк с нервными нотками в голосе в надежде прицепиться к словам и поскандальить. Спросил и стал ждать ответа.

– А как хочешь. Я тут не придворный советник, – спокойно ответил Минус.

– А пса как зовут? – не унимался Андрей.

– Авокадо.

– Тю-ю! Ну умора! Шавку безродную экзотическим фруктом называли! – сказал парень с издёвкой в голосе.

Авокадо понял, что ему выказали неуважение, и, приблизившись вплотную к Андрею, чихнул ему на брюки и сразу отскочил в сторону.

В отместку за унижение Андрей выпалил:

– Вы с ним прямо два сапога пара! Вы хоть знаете, что некоторые соседи вас между собой дворником Минусом называют?

– Знаю. И что?

– Скажете, не обидно?

– Да чего ж мне обижаться, дурья твоя башка, если дворник я самопровозглашённый, эдакий лжедворник! Ну вот какой-нибудь дрянной человечиска царём себя мнит, заняв в жизни копеечное место, а я в свободное время двор мету, и корона с моей головы не падает. А Минус – моя фамилия!

– Дед, ты чё, гонишь, что ли? – не поверил парень.

– Да как Бог свят, так и в паспорте написано: Минус Павел Матвеевич, – спокойно ответил старик.

– Ну ни фигя себе, знак вычитания в фамилию превратить! Это кто ж вам так удружил? – всё ещё не теряя надежды поругаться, спросил Андрей.

– Родовая казацкая фамилия, – пояснил Минус. – Я их роду-племени, казачьего. Да Минусы, если хочешь знать, даже в войне с Наполеоном участвовали. И не в знаке вычитания вовсе дело, а в том, что ты с родительницей своей поссорился, а теперь на людей кидаешься

и укусить норовишь. Мать твоя, Андрюша, женщина разумная, она не станет запрет накладывать просто так, от дурного настроения. Значит, есть веская причина на то! Нечего тут истерить и ко мне цепляться, ты студент, а не подросток. Учись адекватно реагировать на события. Даже если тебе не нравится то, что тебе говорят, от тебя зависит, как ответить. И как раз от твоего ответа будет зависеть развитие дальнейших событий. Выкладывай, что случилось. А не хочешь, так ступай себе с миром.

– Ну и тирада! Мне б такую никогда не произнести! – восхитился Андрей. – Вы, Павел Матвеевич, прямо как Ленин на броневике!

– Откуда про Ленина знаешь, недоросль?

– В школе проходили. И нечего обзывать! – насупился Андрей.

– Ладно, извини. Но на будущее учти: не только слушай, что тебе говорят, но при этом внимательно смотри, кто говорит. Тогда сможешь понять, какую цель говорящий преследует своими рассказами. Учись слушать и слышать. Ладно. У меня времени свободного много, так что, если не великая тайна, могу выслушать тебя. Давай вместе разберёмся в твоей проблеме, – может, не всё так страшно, как тебе видится, – примирительно сказал Минус.

– Ну, короче...

Парень подумал и решил довериться.

Прогулял Андрюша почти весь семестр, а в современных учебных заведениях есть два пути сдачи сессии: учись или плати. Попытался наверстать учёбу с наскока, но пропусков было много, а знаний мало – и не осилил. И теперь деньги, которые мама откладывала целый год на отдых, придётся выложить за курсовые и экзамены по фиксированной цене, ведь у преподавателей тоже свои планы на отдых имеются. И что обидно: он ведь не один такой, другие тоже платят. А мать заладила своё: «Нельзя так. Какой смысл получать высшее образование, если знаний не имеешь и профессией не владеешь? Оплачивать чужие знания вместо твоих я не стану».

– Павел Матвеевич, меня ведь отчислят! – Горе-студент был явно расстроен.

– Права твоя мама, Андрей. Согласись, что в теоретическое познание специальности включено изучение определённых предметов, среди них нет лишних. К концу обучения полученные знания выстраиваются в нашем мышлении в стройный ряд и помогают в овладении профессией, а значит, и в работе над дипломом. Если ты сейчас не справляешься с учёбой в институте, то в дальнейшем не сможешь конкурировать на рынке труда. Разберись вначале, почему ты не справляешься с учебной программой. Если тебе неинтересно, найди своё место в этом мире. То, которое близко тебе по уму и таланту. Господь всем талант даёт: кому – один, а кому – семь. Другое дело, что развивать его надо в себе, трудиться. Сделай своей профессией то, что тебе нравится больше всего и лучше всего получается. Зарабатывая деньги, занимаясь любимым делом, ты будешь испытывать чувство удовлетворения жизнью. Подумай над этим.

Они посидели какое-то время, молча думая каждый о своём предназначении.

– Павел Матвеевич, а вы в парке кованых фигур были? – решился Андрюша на дальнейший разговор.

– А как же. Внучок свозил. Я оценил и восхитился.

– А я там часто бываю. И мне бы так хотелось... – с глубоким вздохом сказал Андрей. – Рисунков у меня много, а вот кузнечного дела не знаю. И где научиться этому, тоже не знаю.

– А что на рисунках-то? – заинтересовался Минус.

– Ну... Девушка сидит, плетёт венок из цветов. Ещё... Птичка на краю гнезда сидит, кормит своих птенцов. А ещё... Только не сердитесь, ладно? Старик сидит на скамейке, в ногах пёс лежит; у деда в правой руке метла, он щекой к древку её прижался и то ли отдыхает, то ли задумался. Да много у меня рисунков. А хотите, я вам их сейчас покажу?

– Ты ещё тут? Скорее неси! – подбодрил старик юношу.

Андрей побежал домой и вернулся с альбомом, в котором были карандашные рисунки, приведшие Павла Матвеевича в восхищение.

– Надо же сообразить такое – я и Авокадо! Да похожи как! А тут птица с птенцами. Интересно мне, как это будет в виде кованых фигур выглядеть! Слушай, да я хоть сейчас о тебе хлопотать начну! – сказал Минус. – Внучок старинного моего приятеля – отличный кузнец. Если повезёт, пристроим тебя.

Минус тут же достал телефон и набрал нужный номер:

– Федя, здравствуй! Минус говорит. Ага, ага... Слава богу!.. Да, да!.. Угу, угу... Феденька, тут около меня молодой друг сидит, очень бы ему хотелось кузнечному делу обучиться... Что?! Тебе как раз нужен подмастерье? Как удачно всё сложилось! Так я ему твой адресочек дам? Ко-гда ему подъехать? Ему бы зарплату... Не обидишь?! Вот и хорошо! Феденька, только ему надо с матерью посоветоваться. Если они договорятся, то Андрей тебе сразу позвонит. Да, да... И тебе не хворать.

Минус спрятал телефон в карман, помолчал немного и повернулся к Андрею:

– Ну вот, Андрюша, кажется, жизнь твоя по другому руслу потечёт. Не страшно? Ведь всё изменится. В институте – ручка и тетрадь, там – молот и наковальня. Другой ритм жизни и окружение другое. У тебя не будет времени поддерживать нынешние дружеские отношения, и часть друзей, во всяком случае институтских, таких для тебя привычных и понятных, уйдут. Для дружбы ведь нужны точки соприкосновения. В основном мы дружим по месту учёбы, по месту работы и по месту жительства. Исчезает точка соприкосновения – исчезает дружба. Настоящей дружбе, конечно, ничто не помешает, но на её проверку уходят годы. Сможешь пережить изменения?

– Не знаю... Когда к вам задираться шёл, точно не был готов, – признался Андрей.

– А отчего сразу после школы не пошёл, например, в художественное училище?

– Дурак был. Нарисовал – выбросил, снова нарисовал. Фигнёй это считал и ничего не предпринимал. Вот когда кованые фигуры в парке увидел, тогда задумываться начал, но решительности не хватало что-то менять. Как теперь матери всё объяснить?

– Сядь с ней рядышком и поговори спокойно, Господь тебя вразумит. Для матери главное, чтобы ты счастливым был, с пути не сбился. Пора тебе уже часть забот с материнских на свои плечи переложить. Ну а если она не согласится, смирись и начни добросовестно учиться. Знаешь, Андрюша, молодость занимает очень короткий отрезок времени в скоротечной жизни, а в военное время – зачастую и всю жизнь. Да и главные события в жизни человека, как то: учёба, выбор профессии, любовь и брак, рождение детей – связаны в основном с молодостью. Благословенно каждое мгновение. Я не приветствую разговоры, в которых старики, приблизившись к последнему жизненному рубежу, хвалят бывшее время и свою молодость, охаявая настоящее. На долю каждого поколения выпадают свои испытания. Одно поколение проходит испытание войной и голодом, для других испытанием становятся сытость и достаток. Не верь, когда говорят: ваше поколение хуже. Вы не хуже нас, вы просто другие. Да-а...

Старик посмотрел на часы, как бы давая понять, что разговор окончен.

– Спасибо, Павел Матвеевич. И ещё... это... ну, короче, простите, что задирался к вам. Авокадо, не сердись, – извинился Андрей и погладил пса по голове.

– Ладно, Андрюша, будь здоров. Приходи, если телефончик понадобится.

Андрей ушёл. Павел Матвеевич собрался было сходить домой и встал уже, когда увидел бегущую со стороны сараев армянку Ануш.

Ануш попала в Донбасс после землетрясения 1988 года в её родном Спитаке. За тридцать секунд оно унесло тысячи жизней и полностью разрушило все здания. Ануш, чудом оставшу-

юся в живых, на четвёртые сутки из-под развалин школы, где она работала поваром, достал горноспасатель из Донбасса, прибывший в разрушенный город для спасательных работ. Видимых повреждений у Ануш не было, только синяки и ссадины, и уже на следующий день она помогала в госпитале в качестве санитарки. Там и нашёл её Михаил, а потом прибежал каждый день, чтобы встретиться с понравившейся ему девушкой. Но слишком уж велико было горе, пережитое Ануш: под развалинами погибли все её близкие – родители, братья, сёстры. Страдалица долго оставалась молчалива и безучастна. А Михаил всё равно приходил и рассказывал о своём шахтёрском крае, о работе, друзьях. Ануш слушала всегда отрешённо, только когда Михаил стал рассказывать о матери, отреагировала:

– Какая она, твоя мама?

– Моя мама очень добрая, Ануш. Она тебе понравится, вот увидишь. Выходи за меня замуж.

– Хорошо, выйду, – сдержанно согласилась Ануш.

По окончании спасательных работ Ануш с Михаилом приехали в Донбасс. Мать Михаила встретила невестку с улыбкой, за руки взяла, посадила на диван и сама рядом села: «Доченька, дай-ка мне тебя обнять». И обняла, и расцеловала, и к себе прижала. Ануш вначале всхлинула, а потом громко зарыдала, уткнувшись в колени своей новой мамы, слезами избавляясь от горя. И проснулся разум её для радости, и открылось сердце для любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.